

Ван Чуаньдэн опустил голову, убрав ногу с груди существа, чтобы дать ему путь к спасению. «Мэй», получив шанс, немедленно воспользовался им, отчаянно пытаясь уползти. Однако едва он преодолел полфута, как огненная коса Ван Чуаньдэна прочертила в воздухе ослепительную огненную дугу, сопровождаемую печатью, и точно вонзилась в спину «Мэй».

— Благодарю за указание пути, — без тени искренности поблагодарил Ван Чуаньдэн уже бездыханное тело.

Он вытащил лезвие, перекинул косу через плечо одной рукой, а другой сложил ладони перед грудью, пропев буддийскую мантру:

— Покойся с миром. Мы, отрекшиеся от мира, не лжём. Сказал, что убью твою семью — убью. Тебе больше не о чем беспокоиться. Да обретёшь ты блаженство и возродишься вновь.

Произнеся эти весьма небрежные слова, Ван Чуаньдэн развернулся и ушёл.

Не прошло и четверти часа, как весь яркий блеск и нарядная суета в зале рассеялись, оставив лишь разбросанные столы со стульями, растерянного хозяина и перепуганных птенцов, запертых в клетках на сцене.

Шэнь Фаши, держа на руках Цзи Саньмэя, искал место, чтобы положить его. У него были важные вопросы к этому ребёнку.

Сделав несколько шагов, он услышал крик:

— Подожди.

Цзи Саньмэй похлопал Шэнь Фаши по руке, давая понять, что хочет вниз. Тот, хоть и не понимая, послушался. Едва ноги коснулись пола, Цзи Саньмэй рванул к одному из столов, опустился на колени и сунул руку под стул.

Ранее, чтобы указать путь, он бросил туда нефритовую бусину, и теперь, когда опасность миновала, нужно было вернуть дорогую вещицу. Однако на ощупь бусины не оказалось.

... Он же видел, как она закатилась сюда.

— Ты ищешь это? — раздался мягкий и вежливый вопрос сбоку.

Цзи Саньмэй обернулся и увидел в ладони незнакомца сверкающую нефритовую бусину. Поблагодарив, он протянул руку, но взгляд его упал на лицо, которого он никак не ожидал увидеть.

Лицо... очень знакомое.

Цзи Саньмэю потребовалось время, чтобы осознать: это лицо было точной копией его собственного в прошлой жизни. Однако человек перед ним носил эту оболочку с совершенно иной аурой, так что Цзи Саньмэй не сразу признал в нём себя.

На мгновение он остолбенел. Разве он... не умер? Кто тогда этот человек?

— Меня зовут Чанъань. «Чанъань», как «долгий мир», — словно прочитав его мысли, человек вежливо представился, после чего протянул ладонь с извиняющейся улыбкой. — Прошу прощения.

Извинившись, он приложил ладонь к шее Цзи Саньмэя. Ранее «Мэй» поцарапал его обломком кандалов, но из-за напряжения Цзи Саньмэй не почувствовал боли. Теперь, когда рану коснулись, он ощутил лишь лёгкое жжение.

Ладонь Чанъаня выделила странную жидкость, и рана на шее под её воздействием быстро затянулась. За считанные мгновения Цзи Саньмэй понял, кем на самом деле был этот «человек».

Авторское примечание: Главный герой не подлец и не ищет замену, можете спокойно читать.

Цзи Саньмэй: Ты держишь рядом человека, который выглядит точно как я. Что это значит?

Шэнь Фаши: ... Я могу объяснить.

Цзи Саньмэй: Выходит, тебе всё же важна внешность?

Шэнь Фаши: Не совсем. Мне важна только твоя внешность.

Все представители рода «Древесных духов» рождаются с Деревянным духовным корнем, питаются солнечным и лунным светом и со временем могут принимать человеческий облик. Из-за миролюбивого нрава их часто держат как питомцев. Содержание древесных духов когда-то было в моде среди заклинателей. Достаточно капнуть каплю крови на семя, и после успешного превращения дух признает того, кто пролил кровь, своим хозяином. Внешний вид после обретения формы всецело зависит от воли того, кто посадил семя.

Разумеется, срок превращения зависит от уровня мастерства хозяина. Такому заклинателю с бесполезным духовным корнем, как Цзи Саньмэй, вероятно, и целой жизни не хватило бы, чтобы дожидаться, пока его древесный дух станет человеком.

У древесного духа по имени Чанъань явно был хороший хозяин, раз его целительные способности считались высокими среди сородичей. Прозрачный древесный сок, сочившийся из его ладони, покрыл рану, и это было довольно приятно.

Цзи Саньмэй быстро пришёл в себя. Увидев своё собственное лицо, он не разозлился, а даже ощутил лёгкое удовольствие.

В прошлой жизни память Цзи Саньмэя оборвалась на его восемнадцатилетии. Через два года, по неизвестным причинам, он умер.

Если отбросить эти два туманных года, Цзи Саньмэй был влюблён в третьего сына семьи Шэнь, Шэнь Фаши, целое десятилетие.

Однако по разным причинам он мог лишь скрывать свои чувства, поддерживая дружбу: они вместе посещали увеселительные заведения, распивали вино, но не переступали черты.

Вопрос: Если человек, которого ты безнадежно любил в прошлой жизни, создал точную копию твоего лица, чтобы та была рядом, что это значит?

Ответ: Как минимум то, что ему нравится твоё лицо.

Осознав это, Цзи Саньмэй не испытывал к Чанъаню неприязни. Более того, он всегда любил собственное лицо.

Цзи Саньмэй и Чанъань стояли так близко, что между ними возникла лёгкая атмосфера

интимности. Цзи Саньмэй протянул руку, провёл указательным и большим пальцами по ладони Чанъаня и забрал нефритовую бусину.

Он ловко перевернул бусину между пальцами, подбросил её и поймал, после чего поднёс к носу. Поверхность бусины сохранила аромат листьев, прогретых солнцем, — свежий, с лёгкой пряной ноткой, явно исходивший от Чанъаня.

Он оставил Чанъаню загадочную улыбку:

— От тебя хорошо пахнет.

Неожиданный комплимент заставил Чанъаня слегка покраснеть:

— Спасибо...

Не дав договорить, Цзи Саньмэй отступил назад и ушёл.

... Поддразнивать собственное отражение было занятным.

Позади него Чанъань всё ещё держал руку в воздухе, где только что была шея Цзи Саньмэя. Он долго смотрел на пустое место, прежде чем опомниться и броситься искать Цзи Саньмэя взглядом.

После недавней суматохи белый шёлк, в который был завернут Цзи Саньмэй, сполз, и один угол свисал до пола, обнажая стройные бёдра.

Шэнь Фаши тоже заметил это. Он слегка нахмурился, снял свою рясу и накрыл ею Цзи Саньмэя с головы до пят, не оставив виду даже пальца. Убедившись, что всё прикрыто, Шэнь Фаши поднял Цзи Саньмэя и усадил на край подиума высотой около двух футов.

Позади Ван Чуаньдэн убрал свою огненную косу, схватил Чанъаня, который всё ещё не сводил глаз с Цзи Саньмэя, и, опустив взгляд, торжественно произнёс:

— Губернатор, мы с Чанъанем отправляемся на Гору Белого Императора.

Шэнь Фаши:

— ...Хм.

— Вот почему он мне нравится, — бесстыдно подумал Цзи Саньмэй, закутываясь в рясу. — Даже простое «хм» звучит так стильно.

Ван Чуаньдэн почтительно поклонился, схватил Чанъаня за воротник и выволок его с рынка.

Пока его тащили, взгляд Чанъаня не отрывался от Цзи Саньмэя. Лишь когда тот скрылся из виду, Чанъань раскрыл ладонь, понюхал её и почесал место, которого касался Цзи Саньмэй.

... Щекотно.

На рынке Цзи Саньмэй обвёл взглядом талию, ноги, грудь и промежность Шэнь Фаши, затем опустил голову, притворяясь задумчивым, и вдохнул аромат рясы, принадлежавшей Шэнь Фаши.

... Всё тот же знакомый запах магнолии.

Эта неизменная манера Шэнь Фаши даже успокоила Цзи Саньмэя. Лишь сейчас он по-настоящему ощутил, что встретил старого друга.

— Подними голову.

Голос был достаточно суров, чтобы напугать ребёнка, но Цзи Саньмэй с наслаждением поднял голову и продолжил нагло рассматривать очертания губ Шэнь Фаши.

— Как тебя зовут?

<http://bllate.org/book/16281/1466078>